

Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений

Диалог - разговор, в котором дух целого возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик.

Г.С. Померанц

ИРИНА Н. БОРИСОВА
(Екатеринбург)

Большинством исследователей цельность признается *conditio sine qua non* функционирования текста (Гальперин 1981, Леонтьев 1979, Новиков 1983, Кожина 1996, Сорокин 1982 и др.). В стилистике категория цельности применялась преимущественно к анализу канонических письменных текстов. Постановка вопроса о цельности речевых произведений, принадлежащих разговорному стилю, стала возможной в рамках категориальной и функциональной стилистики текста (Кожина 1987, 1995, Матвеева 1990, 1992, 1994). Обсуждение статуса разговорного диалога как текста в работах Т.В. Матвеевой и О.Б. Сиротининой (1994) сделало актуальной проблему использования аппарата текстовых категорий в анализе устных разговорных диалогов. Цельность (целостность, интегративность) трактуется как категория психолингвистическая (Леонтьев 1979), содержательная (Гальперин 1981, Новиков 1982, 1983, Сорокин 1982), ситуативная (Мурзин 1991). Цельность справедливо считается “нерядоположенной” относительно других текстовых категорий (Матвеева 1990: 9), но мнение о ее несоотнесимости с лингвистическими единицами и категориями (Леонтьев 1979: 12) правомерно лишь в том смысле, что эта связь не очевидна, она выявляется через анализ организации других текстовых категорий, релевантных

для данного типа текстов. Поскольку разговорный диалог возникает и функционирует в живой среде человеческого общения, сущность его цельности может быть “определена (объяснена) лишь на экстралингвистической основе, при учете широкого когнитивного, коммуникативного и социокультурного контекста, как и ситуаций межличностного общения” (Кожина 1995: 40).

В настоящей статье предлагается один из способов интерпретации цельности разговорного текста через ее соотношение с набором категорий, существенных для понимания специфики разговорного диалога как типа текста. При этом считаем цельность структурно-содержательной лингвопсихологической гиперкатегорией, определяющей способ организации и особенности текстовой манифестации ансамбля актуальных для данного стиля и типа текста категорий. На роль таких категорий выдвигаются: содержательность (категория темы), экстралингвистическая ситуативность, стратегия и коммуникативная координация речевого поведения говорящего, завершенность. Вопрос о соотношении цельности и модальности требует специального изучения, поэтому не рассматривается отдельно. Материалом исследования послужили тексты разговорного стиля речи, имеющиеся в разговорной текстотеке (РТ) Уральского университета и опубликованные в сборнике *Живая речь уральского города. Тексты*, 1995, (ЖР):

1. Цельность vs. содержательность

Свойство политематичности единодушно признается основным в предметном содержании разговорного диалога (Сиротина 1994, Ширяев 1982 и др.). Однако можно считать доказанным, что в тематической организации разговорного диалога действует “тенденция, противоположная политематичности” (Матвеева 1994б: 69, см. также Сибирякова 1996). Действительно, если рассматривать предметную тему как номинацию затекстового денотата, то приходится констатировать, что “в разговорном диалоге невозможно выделение единой предметной темы” (Сибирякова 1996: 106), что, казалось бы, означает отсутствие содержательной цельности. Если же последнюю понимать как способ организации содержания разговора, то “налицо монотематическая организация предметной тематики” (там же). Представляется, что содержательную цельность можно усматривать не только в наличии единой предметной темы, но в едином структурно-

держательном принципе организации предметных тем в разговорном диалоге. Их "центростремительность" проявляется в постоянно воспроизводимых отношениях конкретизации, детализации, включенности, в структурной и семантической простоте или осложненности, подробно описанных в работе И.Г. Сибиряковой. Интересно, что схемы предметно-тематической организации разговорных диалогов (гипертема - тема - подтема) структурно изоморфны денотатным схемам канонических письменных текстов (ср. Новиков 1983), что свидетельствует о текстовом принципе организации содержания в разговорной речи.

Наблюдения показывают, что политематичность часто зависит от объема (протяженности) текста разговорного диалога. Действует закономерность: чем короче текст, тем больше он тяготеет к монотематичности. А.И. Новиков заметил, что "мера расширения контекста определяется появлением денотата целого, являющегося "ключом" для осмысления сочетаний, входящих в это целое" (1992: 20-21). В мышлении содержательной структуре текста "соответствуют денотаты различной степени обобщенности и конкретности" (там же). Это подтверждают данные речевой рефлексии говорящих. Их ответы на вопрос "о чем говорили?" являют собой удивительное единообразие формулировок: "о жизни", "за жизнь", "о жительство", что свидетельствует об установке на восприятие состоявшегося разговора как содержательно (тематически) цельного. Формулировки типа "о том, о сем", "о всякой всячине (ерунде)", "о мелочах (жизни)" отражают идею многоаспектности содержания, политематичности. Тема короткого разговора формулируется обычно конкретнее: "о детях", "о здоровье" и т.п.

Фронтальное обследование контактоустанавливающих зон разговорных диалогов свидетельствует о частотности архитематической лексемы "жизнь" в различных морфологических вариантах: *А во время войны люди жили бедно* // (ЖР: 24); *А куда ты спешишь* // *расскажи ты свою жизнь* // (ЖР: 27); *Да / тяжело тогда все жили* // (ЖР: 16); *Расскажите, как жили / как работали...* (ЖР: 36); *О чем говорить-то будем / о жизни?* (ЖР: 50); *Ну что тебе еще рассказать? Живу я хорошо* // (ЖР: 89); *Как жизнь молодая?* (РТ). Мотив архитемы то и дело возникает в речевой ткани диалога. Например, в небольшом тексте "Чем сегодня занималась?" (ЖР: 88-93) в дискурсе Л. (студентки, 20 лет) встречается 4 абстрактнообобщающих упоминания архитемы: *Живу я хорошо; Конечно / жизнь у нас тяжелая; там [на Западе - И.Б.] значит все живут в*

свинарнике и получают гроши /; так что вот / такова жизнь //
 Предметные гипертемы “*работа*”, “*отдых*”, “*покупки*” и под. воспринимаются говорящими как конкретизаторы единой для разговорных диалогов абстрактной архитемы “*о жизни*”. При такой трактовке содержательной цельности разговорных текстов сохраняется условие “единства описываемого объекта (вне зависимости от того, какова природа этого объекта)” (Мурзин 1991: 15). Это согласуется с наблюдением о существовании в психике коммуникантов установки на цельность восприятия текста.

Кроме предметной тематики в разговорном диалоге выделяется эготематика. Доказано, что цельность определяется в первую очередь единством “я-тем” диалога (Матвеева 1990, 1992, 1994, Сибирякова 1996).

В дискурсе говорящих возможно и выделение ксенотемы (“ты-темы”), конституирующей “концепцию адресата” и выражающей идею “другого”. Языковые средства выражения ксенотемы - обращения, местоимения и глаголы II лица; прямые и косвенные, нейтральные и оценочно-характеризующие номинации адресата; характеризующие его предикаты; адресованные коммуникативы; глаголы восприятия и мыслительной деятельности (слушай, помнишь, знаешь и под.); императивные и вопросительные формы, выражающие непосредственную контактность общения, и другие менее частотные средства. В качестве примера приведем выборку реплик с экспликацией ксенотемы из дискурса А. (школьницы, 17 лет), разговаривающей с Б. (мужем ее сестры, 30 лет) (ЖР: 67):

[...] Собираешься новую удочку-то покупать? / ты у нас рыболов-то такой заядлый //; А в эту-то субботу пойдешь на рыбалку?; [...] а в какое место ты пойдешь на рыбалку? [...]; Что тебе привезти из Киева?; Что тебе из Киева привезти?; А жене что / ничего не желаешь?; Ну как / ты же должен джентльменские чувства проявить / привезти заказать //; Как это / мог бы поинтересоваться все-таки //; Так ты пока интересоваться будешь я уже уеду //; А ты сам-то был в Киеве?; А где был / в каких городах вообще? [...]

Высокая концентрация ксенотематических показателей, характерная для приведенного фрагмента, сохраняется во всем тексте. Постоянство ксенотемы достигается регулярностью личностнореактивного фокусирования - помещения личности адресата в коммуникативно-прагматический фокус высказывания. Адресат здесь - постоянный объект диктальных, эмоционально-оценочных, фатических реакций (о фокусировании и типах реакций см. Борисова 1996). В приведенном фрагменте ксенотема более едина и значительна, чем предметная тематика. Степень выраженности и

регулярности проявления ксенотемы в разговорных диалогах варьируется в зависимости от экстралингвистических параметров акта коммуникации: обстановки, отношений и степени близости коммуникантов, темы разговора и т.п. Обобщая сказанное, можно констатировать наличие в разговорных диалогах трех типов содержательной цельности: а) структурно-содержательная цельность как единый принцип предметно-тематической организации; б) цельность как единство эготемы и постоянство ксенотемы; в) цельность как наличие психологически релевантной архитемы высокой степени обобщенности *“о жизни”* (для текстов большой протяженности); т.е. цельность как установка на целостное восприятие содержания всего диалога. Отметим также, что содержательная цельность характеризуется различной степенью своего проявления в разговорных текстах.

2. Цельность vs. ситуативность

М.М. Бахтин писал: *“Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне... связи с конкретной ситуацией”* (Волошинов 1993: 74). Ситуативность разговорной речи признается ее функционально-стилевой характеристикой, вытекающей из непосредственного характера общения и единства коммуникативной и практической деятельности людей. Л.Н. Мурзин подчеркивал, что *“ситуативность, соотнесенность с ситуацией... - неперемное условие цельности текста”* (1991: 13). Коммуникативная ситуативность как соотнесенность текста с коммуникативной рамкой связана с хронотопом разговорного диалога и отражается в единстве координат локации *“я - ты - здесь - сейчас”* (Матвеева 1994б: 66-68).

Широкий экстракоммуникативный контекст диалога реализуется в интеракциональной (Edmondson 1983), предметно-практической стороне общения. Это *“текущая деятельность, выстраиваемая участниками посредством взаимнокоординированных во времени действий”* (Беляева, Майклз 1985: 223). Они могут вторгаться в коммуникативное взаимодействие, требуя вербализации. Этот факт отражен в классификации М.В. Ломоносова, разделявшего разговоры на *“чистые”*, состоящие из одних рассуждений, описаний и повествований, и *“нечистые”*, включающие в себя какие-либо действия (1994: 144).

“Ситуативная интервенция” естественна в разговорной речи. Элементы коммуникативной ситуации часто попадают в фокус реплики высказывания. Фокус определяется как *“акт выбора, критерием для которого явля-*

ется успешность, эффективность коммуникации”, “прагматическая важность” объекта фокусирования (Дейк ван 1978: 319).

Ситуативное фокусирование может быть личностным (самоподача говорящего, экспликация эготемы): А. - *Я еще очень люблю в аэропорт ходить* / (ЖР: 126); личностно-реактивным, связанным с развитием ксенотемы: А. - *Он дамский угодник и это сразу видно* // В. - *Ну да / вот он меня презирает и всячески оскорбляет* // Б. - *Аня / ты не женщина / ты сестра* // (ОБЩИЙ СМЕХ) (ЖР: 124); перлокутивным, направленным на достижение практического результата, воплощенного в действиях адресата: М. - *Леля / ешь аккуратно* // Б. - *Ты давай-давай / кушай / кушай* (РТ); предметноситуативным, направленным на какой-либо предмет обстановки, находящийся в поле зрения или деятельности коммуникантов: Б. - (ПРОДОЛЖАЕТ О ПАЧКЕ ЧАЯ) *Я не могу найти* (ЖР: 189); В. - *Саня / чайник кипит* // (ПОДХОДИТ К СТОЛУ, САДИТСЯ СО ВСЕМИ. НА СПИНКЕ СТУЛА, НА КОТОРОМ СИДИТ А., ВИСИТ РУБАШКА; Б. ПОПРАВЛЯЕТ РУБАШКУ, НО ОНА ПАДАЕТ НА ПОЛ) А. - *Кто вешает рубашки когда гости приходят?* (ЖР: 189).

Ситуативное фокусирование ведет к появлению в содержательной структуре диалога ситуативных тематических включений, которые, с одной стороны, являются ситуативными скрепами текста, а с другой, разрывают цепочки развития предметной темы.

Как видно из вышеизложенного, ситуативная цельность разговорного диалога находит выражение а) в текстовой категории хронотопа и единстве координат локации, б) в “ситуативной интервенции”, отражающейся в тематической организации и словесной ткани текста.

3. Цельность vs. коммуникативная стратегия

В коммуникативном плане цельность разговорного диалога интерпретируется как единство и определенность коммуникативных стратегий в дискурсах говорящих. Стратегия рассматривается как реализация целей общающихся, определенных авторским замыслом. Для разговорных диалогов наиболее типичным является подсознательный замысел, соотносящийся с категорией психологической установки как “принципиально неосознаваемой ценностно-личностной модификации психики, в соответствии с которой происходит вероятностная организация и вероятностное регулирование индивидом его конкретной деятельности (Шерозия 1978:

726), в данном случае - коммуникативной. Анализ разговорных диалогов позволил типологизировать стратегии коммуникантов. Имеющийся материал демонстрирует наличие по крайней мере трех стратегий диалоговедения: диктальной, модальной и регулятивной. Диктальная стратегия (рациональная, информативно-логическая) характеризуется доминированием в дискурсе говорящего информативных реакций, направленных на диктум (Балли 1955: 47) иницирующего высказывания. Примером единой диктальной стратегии А. (студента политехнического института) в разговоре с Б. (неграмотной крестьянкой, 86 лет) служит сплошная выборка реплик А.:

1. *Расскажите / как жили / как работали //* 2. А какие празднества были у вас в деревне? 3. А у вас в семье сколько детей было? 4. А почему? 5. А про то / как вы в школу не попали // 6. Народу немного было? 7. Это где было / в избе или на улице? Летом или зимой? 8. А вас в колхоз как записывали? 9. А раньше поди патефоны были? (СПРАШИВАЕТ С ИНТЕРЕСОМ) 10. Почему комка? (ЗАИНТРИГОВАННО) (ЖР: 36-40)

В этом дискурсе реплики 2, 3, 4, 6, 7, 8 диктальные. Реплики 1 и 5 кроме диктального вопроса содержат показатели ксенотемы и фатического фокусирования: в реплике 1 адресованный коммуникатив, в реплике 5 его эллипсис. Реплика 9 диктальный вопрос с экспликацией модуса персуазивности (предположительности). Тональная окраска (С ИНТЕРЕСОМ) сохраняется и усиливается в реплике 10 (ЗАИНТРИГОВАННО). В дискурсе А. доминирует диктальная стратегия "запрос информации". Разговорный текст в целом представляет собой диалог-расспрос или диалог-интервью. Модальная стратегия развертывания диалога демонстрирует регулярность модальных (аффективных, оценочных, тональных, фатических) реакций. В их фокусе - не факты или знания коммуникантов, а их мнения, интенции, мотивы, личностные предпочтения. Объективная информация и предметная тема в таких диалогах вторичны, они служат фоном для выражения отношения собеседников друг к другу и к миру.

В качестве примера модальной стратегии приведем сплошную выборку реплик Б. (пенсионерки, 65 лет, гостьи) из разговора с А. (учительницей начальных классов, 61 год, хозяйки) "Давай о бабушке расскажу" (ЖР: 12-16). Диалог ведет А. Она четко выдерживает тематическое единство и не допускает отступлений от темы, выступая на протяжении разговора в роли рассказчика. Б. - слушатель; все ее реплики реактивны, не нарушают

течения рассказа и характеризуются уместностью. По жанру это разговорное повествование (Ширяев 1982) или диалог-рассказ:

1. Афанасия? 2. (С УДИВЛЕНИЕМ) Ведь это же надо какое имя // 3. Я вот Мария Степановна / таких жалею / маленьких // 4. Потому что у них была мать // 5. Это что за буква? 6. Это почему Мария Степановна? 7. Вот Мария степановна откуда у вас в семье пельмени пошли // 8. Я в первый раз слышу / а у нас както по-другому называется // 9. Вот к ней конечно все и шли // 10. Вот молодец бабушка была! 11. У нее наверное цель была / надо машину [швейную - И.Б.] купить // 12. Конечно // Так она не спала Мария Степановна? 13. Да / такую ораву надо кормить // 14. Это какая молодая она была и такая башковитая // 15. Наверное уже слышал о раскулачивании // 16. Все своим трудом сделала // 17. Да кто ж отдаст / там работать надо / они же неженки // 18. Ой правда Мария Степановна / как все интересно // 19. О-о // вот оно как / две семьи // раскулачивало-то нищобродье // 20. Так это им повезло // недалеко выслали // Жили-то они в Шадринске? 21. Вот правильно Мария Степановна // 22. Да это при Сталине было // 23. За вашим? 24. У нас их называли эвакуированные // 25. (СОЧУВСТВЕННО) О-е-ей / боже мой // 26. Зато люди были все рабочие // 27. Это вы-то непослушные были? (С УСМЕШКОЙ) 28. Даже и в вашей семье почти все доучились // 29. Да / тяжело тогда все жили // (ЖР: 12-16)

Из 29 реплик-реакций только 5 и 23 носят безусловно диктальный характер, запрос дополнительной информации по содержанию высказываний А. В 4 и 6 диктальной комментарий осложняется модальной фатической функцией метавывода из слов А. В общем контексте дискурса Б. диктальные реакции приобретают модальную окраску, во-первых, за счет общего модального контекста, во-вторых, за счет актуализации тональности заинтересованности, сочувствия, внимания, за счет стремления прокомментировать общность жизненного опыта и жизненной позиции. Таким образом, единство дискурса Б. достигается благодаря модальной стратегии коммуниканта. Регулятивная стратегия следует в своей динамике за логикой внешнеситуативного действия и имеет своей целью достижение перлокутивного эффекта, воплощенного в действиях адресата. Реплики говорящих являются ситуативно инициированными, наблюдаются все типы ситуативного фокусирования при доминировании регулятивных реакций императивного характера. На первый план выдвигается деятельностный аспект ксенотемы, что находит отражение в обильном употреблении глаголов. В качестве примера реализации регулятивной стратегии приведем начало диалога подруг, занятых приготовлением пирога:

А. - Маргарин // Б. -Маргарин где? // А. - Ну подай / боже мой / ну никак не можешь мне помочь // Б. - Плиту выключи ... А. - Уходи / я сама здесь все вымою // (ПАУЗА) Б. - Подожди / подожди / не опускай // (БРЯКАНЬЕ ПОСУДЫ) А. - Опускай (НРЗБ) Дай сюда / ставь эту тарелку / не растворится // Б. - Выключи воду // Я сама вымою / уходи отсюда // (ШУМ ВОДЫ) (ЖР: 19)

Итак, анализ текстов показывает, что цельность разговорного диалога имеет вертикальную составляющую и определяется характером доминирующей стратегии в дискурсе обоих коммуникантов. Если участники разговора не препятствуют друг другу в реализации стратегий, то последние остаются константными на протяжении всего дискурса и ведут к осуществлению замысла каждого из авторов. В зависимости от типа коммуникативной стратегии выделяется модальная цельность диалога с отчетливо проявляющимся единством тональной составляющей (ср. Купина, Битенская 1994, Матвеева 1994а); диктальная (информативная) цельность, в различной степени проявляющаяся в единстве тематической организации разговорного диалога; ситуативная цельность, отражающая протекание предметно-практической деятельности на фоне экстракоммуникативной ситуации.

4. Цельность vs. коммуникативная координация

На фоне широкого экстракоммуникативного контекста диалога выделяется более узкий коммуникативный контекст, отражающий речемыслительную, иллокутивную сторону общения. Полисубъектность авторства диалога, наличие как минимум двух стратегий диктует необходимость "сопряжения субъективно-личностных мотивов коммуникантов" (Леонтьев 65: 172), которая отражается в категории коммуникативной координации. Она характеризует разговорный диалог как тип текста и не свойственна каноническим текстам, принадлежащим одному автору. Коммуникативная координация в диалоге понимается как модальное и иллокутивное согласование/рассогласование речевого поведения и речевой /' (говорящих. В связи с этим уместно вспомнить, что М.В. Ломоносов выделял разговоры согласные, прекословные и сомнительные (1994: 144). Сходные категории - "линия согласия/несогласия" (Матвеева 1994: 137); гармоничность/дисгармоничность речевого поведения (Сибирякова 1996). Психологическое содержание этих категорий - "интегративно-межличностный

коллективный мотив -согласовать действия, деятельности” (Сидоров 1989: 23). Коммуникативная координация обеспечивает прагматическую связность диалога - “global pragmatic coherence” (Dijk van 1984: 6-7) - и конституирует прагматическую цельность, отражающуюся в типе (степени) коммуникативной координации целого текста.

При оценке типа коммуникативной координации учитываем два фактора: 1) тип взаимодействия иллокутивных намерений коммуникантов в рамках интеракции (вопрос - ответ/уход от ответа; просьба - ее выполнение/невыполнение и т.п.); 2) согласование/рассогласование модальных реакций в рамках интеракции (тональность, заинтересованность/равнодушные; положительная/отрицательная оценочность и т.п.). Дополнительно учитывается активность/пассивность коммуникантов в предложении и разработке предметных тем, этикетный/неэтикетный характер речевого поведения, паралингвистические сигналы (поза, мимика, жест и др.) отношения к теме и собеседнику.

Коммуникативная координация имеет градуальный характер, границы степеней коммуникативной координации размыты, что не мешает обозначению основных типов на шкале: консентность (согласие, гармоничность, иллокутивная и модальная согласованность) - конформность (иллокутивная согласованность при модально-тональной нейтральности, пассивности и незаинтересованности одного из коммуникантов) - полемичность (иллокутивная согласованность, сохранение нейтрального тона при различии “точек зрения” на тему (проблему), ее оценок говорящими) - конфликтность (рассогласованность, противоречивость, вплоть до столкновения иллокутивных намерений и модальных реакций). Приведем пример разговора с конформным типом коммуникативной координации, где А. - жена, машинистка крана, 29 лет, Б. - муж, экскаваторщик, 28 лет:

А. - Иди за Анютой / время-то уже // Б. - Ага / пошел // (ПАУЗА) Мы наверное еще погуляем// А. - Погуляйте// Б. - Маленькая спит? А. - Спит (ПАУЗА) А. - Не забудь белье грязное забрать // Б. - Угу // А. - И спроси у воспитателя / как она поела// Б. - Угу// А. - Что ты все угукаешь / ответить нормально не можешь // Б. - Я пошел// А. - Все запомнил? Б. - Угу// (ХЛОПНУЛА ДВЕРЬ, Б. УШЕЛ) (РТ)

Как видно из текста, конформное речевое поведение коммуниканта Б. вызывает вербально выраженное недовольство А. Еще один пример из диалога, где А. - крановщица, 50 лет, Б. - брат А., преподаватель вуза, 42 года, В. внучка А., 4 года:

А. - Так и жили // С Федькой пешком ходили в Руднично // Била я его // Попадало ему от меня // (СМЕЕТСЯ) Б. - Кому? А. - Да все по голову / чтоб он такой умный стал // Да / Федя? Б. - (СОГЛАШАЯСЬ, ЧТОБЫ ЕМУ НЕ МЕШАЛИ ЧИТАТЬ ГАЗЕТУ) Да / Да да / да // А. - (С ПРИДЫХАНИЕМ) А что ж / не вру / правду говорю // (ВСЕ СМЕЮТСЯ) А. - Федя / а ты не помнишь / как мы Шарика хоронили в деревне? Б. - Нет / не помню // А. - [рассказывает о похоронах собаки - И.Б.] (ПОДХОДИТ В. С ИГРУШКОЙ, КОТОРУЮ НЕ МОЖЕТ СОБРАТЬ) А. - Так // Не так / не закроешь так / перешаборишь так // Потряси // Б. - (НРЗБР) А. - А? Что ты говоришь / Федя? Б. - Ничего / разговаривайте разговаривайте // А. - Ну что разговаривать-то? Б. - Это уж ваше дело // А. - (ПОВТОРЯЕТ, ИРОНИЗИРУЯ НАД Б.) Это уж ваше дело / Федя / а ты помнишь как это / холостой еще был? К Вовке Часову ездили // Его в армию провожали // [Рассказывает о проводах а армию - И. Б.] Б. - Да / было // (РТ)

Как показывают примеры, шкала степеней консентности иррелевантна типу стратегии коммуникантов (модальной, диктальной или регулятивной). Наиболее интересны с этой точки зрения конфликтные диалоги, т.к. этот материал в силу своей специфики редко попадает в поле зрения исследователя. Воспользуемся для иллюстрации диалогом супругов с "инвективной стратегией", записанным К.Ф. Седовым (1996: 11). В диалоге участвуют муж и жена; по свидетельству К.Ф. Седова диалог далее перерастает в ссору:

Ж. - Ты не мог бы мусор вынести? М. - Вечно ты мне заниматься не даешь! Ж. - От твоих занятий - толку нет, только бумагу переводишь! М. - Это ты забросила науку! Чтобы я квалификацию потерял - этого ты хочешь? Ж. - А из-за чего я заниматься перестала? Если бы ты по хозяйству помогал мне... М. - Наше хозяйство не такое уж большое дело! Ж. - Ты им не занимаешься - поэтому так считаешь!

Конфликтный диалог-ссора характеризуется доминированием личностного и личностно-реактивного фокусирования, отсутствием речевых поддержек, обилием отрицательно-оценочных и отрицательно-аффективных реакций, дисгармоничной тональностью неприятия.

Отметим, что для большинства непринужденных диалогов характерна коммуникативная координация по типу консентности, тональность приятия и взаимного уважения.

Таким образом "линия согласия/несогласия - это... сквозное действие разговора... в целом или речевой партии одного из собеседников" (Матве-

ева 1994: 137). Констатируем наличие прагматической цельности разговорных диалогов, которая может быть описана посредством категории коммуникативной координации и определена по шкале коммуникативной координации.

5. Цельность vs. завершенность

В лингвистике обсуждение категории цельности текста связано с вопросом о его границах, т.е. законченности. “Результат интегрирования связан с категорией завершенности” (Гальперин 1981: 194). Законченность разговорного текста признается наиболее дискуссионной. В рамках концепции “языкового существования” этот вопрос снимается вообще, так как дискурс говорящих продолжается изо дня в день, постоянно, изменяя свои лингвистические и экстралингвистические характеристики. Это свойство текста подчеркивал М.М. Бахтин (Волошинов), считавший, что “всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения” (Волошинов 1993: 73). И.Р. Гальперин рассматривает завершенность как категорию “правильно оформленного текста” (1981: 131); подход к разговорному диалогу как нетипическому, неканоническому тексту (Сиротинина 1994, Матвеева 1994) не означает невозможности применения к его анализу категории завершенности. Очевидно, что эта завершенность будет иметь природу, отличную от завершенности письменного канонического текста.

Рассмотрим разновидности сигналов границ текста, выполняющих в разговорном диалоге делимитативную функцию. Начало и конец записи (далее обозначаемые *), безусловно, не могут считаться сигналами текстовых границ, т.к. определяются волей записывающего, а не природой самого текста.

1. Собственно текстовыми считаем сигналы, связанные с ситуативности и ее отражением в координатах локации текста. Встреча и расставание собеседников, вербально маркированные этикетно-ситуативными сигналами, могут считаться началом и концом текста диалога. Например: *А. - *Привет!* Б. - *Здравствуй!* А. - *Ну как ты?..* (ЖР: 35) или ... А. - *Ой-еченьки* (ВСТАВАЯ) / *ну ладно / пойду // [...]* Б. - *Сразу бежать / стакан чаю попили бы //* А. - *Приходите / приходите //* (УХОДИТ)* (ЖР: 50).

2. Делимитативные сигналы содержательной законченности, исчерпанности темы не могут, на наш взгляд, считаться сигналами завершенности

разговорного диалога, т.к. возможна мена темы и продолжение текста. Обобщающе-тематические фразы свидетельствуют о тенденции темы к свертыванию и о ее исчерпанности. Достаточно часто их появление совпадает с концом записи: А. - *А вообще всякие бывают ситуации // Г. - Да уж // ** (ЖР: 121) Б. - *Да / тяжело тогда все жили // ** (ЖР: 16); Б. - *Но и народ тоже / он не идет искать обходные пути... ** (ЖР: 195).

3. Сигналы коммуникативно-прагматической исчерпанности свидетельствуют о реализации коммуникативных намерений говорящих, однако не могут считаться сигналами конца текста, потому что возможно появление нового коммуникативного намерения (спросить, уточнить, рассказать), реализация которого ведет к продолжению текста. Встречаются диалоги, в которых такие сигналы локализованы в конце текста. Продемонстрируем сказанное на примере диалога продавца и покупателя, записанного М.В. Китайгородским и Н.Н. Розановой (1996: 372-373): *А. - *Скажи-те / а вот эти стиральные машины они заземления требуют / да? П. - Ну у них в принципе / так розетка у них / ... А. - А-а / понятно // П. - На слив / чтобы уже вода туда выходила // Да А. - Ясно // Ладно все! значит выяснила // Спасибо // **

4. Делимитативные сигналы тональной исчерпанности, эмоциональной усталости также свидетельствуют о тенденции разговора к свертыванию. Такие сигналы также не всегда обозначают конец текста, т.к. возможно предложение и развитие эмоционально более благоприятной темы. Сигналы тональной (эмоциональной) исчерпанности часто совпадают с концом записи, как в следующих примерах: Ф. - *Это... это само то... что надо // (СМЕХ) В. - (УСТАЛО) О-ой... ** (ЖР: 204); Б. - *Бизнесменом сначала надо стать // В. - Да (НЕДОВОЛЬНО) // Б. - Да // ** (ЖР: 158).

5. Делимитативные волюнтивные сигналы, связанные с нежеланием одного из собеседников продолжить разговор на данную тему. О типичности этого явления свидетельствует наличие в языке клише типа "закроем эту тему", "не будем об этом больше говорить", "не хочу это обсуждать", "ладно, проехали". Они обозначают обрыв темы при ее содержательной и коммуникативной неисчерпанности для собеседника. Появление таких сигналов чаще всего объясняется эмоциональной болезненностью, табуированностью темы, появлением постороннего слушателя и др. Зафиксированы случаи, когда наличие подобных сигналов совпадает с концом записи: А. - *Куда ты спешишь // расскажи ты свою жизнь // Б. - А я что // рассказывать начну и буду плакать // ** (ЖР: 28).

Локализация делимитативных сигналов различных типов в тексте разговора чаще всего не совпадает, чем и объясняется практическая трудность определения границ текста. Очевидно, что сигналы 2-5 типа указывают на границы тематического фрагмента, хотя и могут совпадать с абсолютным завершением диалога.

Предлагаем разграничить закрытые, относительно закрытые и открытые разговорные тексты (ср. трактовку категории законченности сверхтекста у Купиной и Битенской 1994: 216). Закрытыми, полностью завершенными считаем те разговорные диалоги, в которых конец записи совпадает с локализованностью делимитативных сигналов ' '+ (g-ke типов; ситуативно-этикетных, содержательных, коммуникативно-прагматических, тональных и волюнтивных. Открытыми считаем тексты, где конец записи не совпадает с локализованностью названных сигналов. Относительно закрытыми полагаем тексты, где окончание записи совпадает с локализацией одного или нескольких, но не всех, за исключением ситуативно-этикетных делимитативных сигналов, т.е. продолжение текста после окончания записи весьма вероятно. Те дискурсы, текстоиды и текстоподобные образования, которые Сиротина (1994: 105-124) не считает текстами в зоне разговорной речи, являются по существу фрагментами цельных диалогических текстов, ограниченными началом и концом записи.

Таким образом, считаем, что категория законченности текста применима и к произведениям разговорного стиля речи. Специфика проявления этой категории видится в разнохарактерности и размещенности делимитативных сигналов в разговорном диалоге. Кстати, несовпадение завершенности и законченности текста свойственно не только устной разговорной речи, ср., например, иллюстрации этого положения у И.Р. Гальперина (1981: 132-135) и Л.Н. Мурзина (1991: 15-17). Существуют и целнооформленные завершенные диалоги, приближающиеся по степени цельности к каноническим текстам. См., например, диалоги продавцов и покупателей, записанные М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (1996: 373, 377).

В заключение подчеркнем, что разговорный диалог как текст (пусть и нетипичный, неканонический) обладает цельностью. Однако природа этой цельности коммуникативно-прагматическая, ситуативная, психологическая. Проведенный анализ разговорных текстов показывает, что категория цельности имеет в них специфические текстовые проявления, что не позволяет согласиться с мнением Л.Н. Мурзина (1991: 17), что "цельность не располагает для своего выражения специальными средствами". Сопо-

ставление цельности с прагматическими категориями, актуальными для функционирования разговорного диалога как типа текста, позволило выявить текстовой и категориально-текстовой характер ее воплощения.

Литература

- Балли Ш., 1955, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва.
- Беляева А.В., Майклз С., 1985, *Монолог, диалог и полилог в ситуациях общения. - Психологические исследования общения*, Москва.
- Борисова И.Н., 1996, *Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге. - Русская разговорная речь как явление городской культуры*, Екатеринбург.
- Волошинов В.Н., 1993, *Марксизм и философия языка*, "Вопросы философии", N 1.
- Гальперин И.Р., 1981, *Текст как объект лингвистического исследования*, Москва.
- Дейк ван Т.А., 1978, *Вопросы прагматики текста. - Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 8, Москва.
- Живая речь уральского города. Тексты* (Под ред. Т.В. Матвеевой), 1995, Екатеринбург.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н., 1996, *Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы). - Русский язык конца XX столетия, 1985 - 1995*, Москва.
- Кожина М.Н., 1987, *О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка. - Разновидности и жанры научной прозы*, Москва.
- Кожина М.Н., 1995, *Целый текст как объект стилистики текста*, "Stylistika" IV, Opole.
- Купина Н.А., Битенская Г.В., 1994, *Сверхтекст и его разновидности. - Человек - текст - культура*, Екатеринбург.
- Леонтьев А.А., 1965, *Слово в речевой деятельности*, Москва.
- Леонтьев А.А., 1979, *Понятие текста в современной лингвистике и психологии. - Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия*, Москва.
- Ломоносов М.В., 1994, *Краткое руководство к красноречию. - Ломоносов. Хрестоматия*, Пермь.
- Матвеева Т.В., 1990, *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий*, Свердловск.
- Матвеева Т.В., 1994а, *Непринужденный диалог как текст. - Человек-текст-культура*, Екатеринбург.

- Матвеева Т.В., 1994, *Разговорный диалог в зеркале текстовых сопоставлений*, "Stylistika" III, Opole.
- Мурзин Л.Н., 1991, *Текст как предмет лингвистического исследования*. - Мурзин Л.Н., Штерн А.С., *Текст и его восприятие*, Свердловск.
- Новиков А.И., 1982, *Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста*. - *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*, Москва.
- Новиков А.И., 1983, *Семантика текста и его формализация*, Москва.
- Померанц Г.С., 1996, *Диалог и молчание*, "Человек", 3.
- Седов К.Ф., 1996, *Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта)*. - *Вопросы стилистики*, вып. 26, Саратов.
- Сибирякова И.Н., 1996, *Тематическое структурирование разговорного диалога*. Дис. канд. н., Екатеринбург.
- Сидоров В.В., 1989, *Личностный аспект речевой коммуникации и текста*. - *Личностные аспекты языкового общения*, Калинин.
- Сиротинина О.Б., 1994, *Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи*. - *Человек-текст-культура*, Екатеринбург.
- Сорокин Ю.С., 1982, *Текст: цельность, связность, эмотивность*. - *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*, Москва.
- Шерозия А.Е., 1978, *Диалектика, принцип дополнительности и проблема познания психологической целостности*. - *К неклассически ориентированной проблеме эксперимента в психологии*, т. 3, Тбилиси.
- Ширяев Е.Н., 1982, *Структура разговорного повествования*. - *Русский язык: текст как целое и компоненты текста*, Москва.
- Dijk van T.A., 1984, *Cognitive Constraints of Communication*. - *Dialogue and Cognition*, Boston.
- Edmondson W., 1983, *Spoken Discourse: A Model of Analysis*, London. New-York.

The Colloquial Dialogue Integrity In The Light Of Categorical Correlations

The article deals with a textual manifestation of integrity of colloquial dialogue. It is based on a textual concept of colloquial interaction. Correlation of pragmatic categories (subject theme (topic), extralinguistic situation, strategy and communicative coordination of speech behavior, text completion) with text integrity makes possible to ascertain textual, structural, semantic and psycholinguistic essence of colloquial dialogue integrity. Original records of live city speech are used as a basic reference material.